

Человеческий капитал в экономике знаний: управленческий аспект

О.В. Гаман-Голутвина

Полагаю, что постановка вопроса об обсуждении концепта и прикладных измерений человеческого капитала никак не противоречит пониманию человека как «меры всех вещей» (Протагор) и признанию роли человека как творца культуры. Думаю, нет необходимости специально аргументировать тезис о том, что феномен человека многогранен и может рассматриваться в значительном числе контекстов, в том числе как ресурс, фактор и измерение социального и/или экономического развития, или в формате «человеческого капитала».

Обсуждение феномена человеческого капитала актуализировано тем фактом, что именно качество человеческого капитала (или потенциала; эти понятия не вполне тождественны, однако в данном случае их можно использовать как близкие) – важнейшее условие обеспечения конкурентоспособности государства. Именно надлежащее качество человеческого капитала (или человеческого потенциала) является важнейшей предпосылкой создания и эффективного функционирования «экономики знаний» (knowledge based economy). Понятие «человеческий потенциал» вошло в оборот в контексте формирования в 1990-х гг. концепции устойчивого развития. Эксперты Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) с 1990 г. ежегодно публикуют Доклады о развитии

человека с целью измерения человеческого потенциала на основе соответствующего индекса (Индекс развития человеческого потенциала, ИРЧП), сравнения показателей развития различных стран и определения тенденций социально-экономической политики. В Российской Федерации такого рода исследования проводятся с 1995 г. представительством ПРООН.

Пристальное внимание к изучению человеческого измерения социально-экономического развития определено тем, что в информационном обществе именно интеллектуальный потенциал является ключевым фактором обеспечения эффективности функционирования социальной системы. Во всяком случае, об этом свидетельствует опыт развития лидеров современного мира, анализ которого показывает, что лидеры конкурентоспособности идут именно этим путем. Примером эффективной политики в плане развития человеческого капитала может служить политика США в 1990-х гг. по созданию knowledge based economy посредством инвестирования в человеческий капитал. В этом контексте заслуживают упоминания действия администрации Б. Клинтона, заявившей о необходимости «изобрести государство заново» и предпринявшей усилия по пересмотру приоритетов государственной политики в рамках широкомасштабных реформ государственного управления.

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна – д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН).
E-mail: vestnik@mgjimo.ru

Ключевым направлением этих реформ (наряду с созданием электронного правительства, сокращением и удешевлением содержания госаппарата) стали меры по стимулированию новой экономики посредством развития человеческого потенциала. В частности, были значительно увеличены ассигнования на эти цели. Если в 1990 г. совокупные расходы, в той или иной мере затрагивающие социальное развитие, составляли 49,4% федерального бюджета США, то к 2000 г. этот показатель достиг 62%. Администрация Дж. Буша, увеличившая военные расходы до 3,8% ВВП, вместе с тем увеличила и расходы на социальные цели (политика «сострадательного консерватизма»).

Нехарактерный в целом для традиционной политики республиканцев рост доли федерального бюджета в ВВП США с 18,5% в середине 1990-х гг. до 20,3% к 2004 г. в немалой мере был обусловлен увеличением направленных на развитие человеческого потенциала гражданских программ бюджета. Они возросли на 36%. Газета «Лос-Анджелес таймс» констатировала в феврале 2005 г.: «Республиканцы сегодня не спорят с демократами о том, какое правительство необходимо США: большое или маленькое. Они спорят о том, каким должно быть большое правительство». Иракская кампания и ряд иных неблагоприятных обстоятельств побудили администрацию Буша снизить социальные расходы, однако даже впоследствии их доля в бюджете оставалась весомой. Именно рост социальных расходов, направленных на развитие человеческого потенциала, стал главным фактором роста госрасходов в экономически развитых странах.

В середине 2000-х гг. социальные расходы в развитых странах достигли рекордных показателей. В середине 2000-х гг. на них приходились 40% ВВП Швеции, 36,8 % – Франции, 35,2% – Германии, 21,6 % – США. Безусловным лидером в этом отношении являлись США. Начиная с 1997 г. на социальные цели ежегодно выделялись значительные суммы – свыше 1 трлн долл. Ежегодные социальные расходы федерального бюджета США в 1990–2004 гг. возросли в 2,4 раза и составили 1,5 трлн долл. При этом главным фактором увеличения доли государства в ВВП развитых стран был рост именно социальных расходов, достигших, например, в Германии 18% ВВП, в других крупнейших европейских странах – 13%, в США – 7% ВВП. Социальные трансферты в докризисный период охватывали подавляющее большинство (от 50 до 90%) населения развитых стран. В среднем по Европейскому союзу этот показатель составлял 73%. Конечно, экономический кризис 2008–2009 гг. внес существенные изменения в эту динамику, однако кризис – фактор экстраординарный, и потому детерминированные им характеристики не могут рассматриваться в качестве системных.

Характерно, что рост доли госбюджета в структуре ВВП отмечался также в странах «третьего мира», хотя это соотношение отли-

чается от стандарта развитых стран: из 25% мирового ВВП, которые составляли госрасходы в докризисный период, около 90% приходились на развитые государства (в которых проживает примерно 15% населения). Ни одна страна ОЭСР с высокими доходами не тратит менее 5% своего ВВП на нужды общественного здравоохранения и, как правило, ассигнует более 4% на цели здравоохранения своего ВВП. Средний уровень расходов на образование в структуре ВВП у стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала составляет 4,8%, у стран со средним уровнем – 4,2%, в странах низкого уровня – 2,8%. Важной причиной значительной доли государственных расходов в ВВП стало осознание того факта, что именно качество человеческого капитала является ключевым условием конкурентоспособности (неслучайно из примерно 10 критериев конкурентоспособности менее половины имеют чисто экономический характер).

Рассмотрение затрагиваемых проблем в более широком контексте показывает, что стимулирование «экономики знаний» соответствует современному пониманию технологий эффективного экономического развития. Известно, что современный экономический рост отличает приоритетная роль интеллектуализации производства – интенсивность НИОКР определяет уровень экономического развития. Согласно прогнозам экспертов, в XXI в. интеллектуализация труда станет главным фактором глобальной конкуренции. На долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании, образовании кадров и организации производства, в развитых странах приходится 70–85% прироста ВВП. В этой связи не случаен постоянный рост доли расходов на науку и образование в ВВП развитых стран, которая сегодня составляет 3%; при этом доля государства в этих расходах составляет 35–40%. Высокая степень участия государства в стимулировании НТП обусловлена спецификой инновационных процессов (значительная капиталоемкость научных исследований и высокая степень риска, зависимость от степени развития общей научной среды и информационной инфраструктуры, специфика требований к квалификации кадров, необходимость защиты интеллектуальной собственности и т.п.).

В этой связи возрастание роли государства в политической и общественной жизни западных стран не в последнюю очередь обусловлена его ролью в обеспечении НТП. В случае России возрастание значения интеллектуализации экономики приобретает еще большее значение, так как внедрение новых технологий, освоение которых обеспечивает экономический рост, является эффективным инструментом преодоления системного экономического кризиса. Это означает насущную востребованность инвестиций в человеческий капитал, являющийся основанием «экономики знаний».

■ Философия

Что касается отечественных реалий, то в нашей стране осознание значимости качества человеческого капитала пока не стало императивом практической политики – на протяжении 1990-х гг. приоритетным объектом редукиции выступала именно социальная сфера – здравоохранение, образование, фундаментальная наука, социальное обеспечение. В этом направлении работали также осуществленные в начале 2004 г. реформы, предполагавшие широкомасштабную маркетизацию социальной сферы и сокращение ее государственного финансирования. Поэтому полагаю, что масштабное исследование А.И. Подберезкина крайне актуально и может сыграть значимую роль в переосмыслении приоритетов реальной российской социально-экономической политики, определенно может способствовать преодолению устаревших установок социально-экономической политики, доставшихся в наследство от ушедшей эпохи, когда о России говорили как о стране, «обреченной носить выброшенные Европой шляпки». Достоинством исследования А.И. Подберезкина является фундаментальный анализ всего комплекса характеристик человеческого капитала, а также условий, предпосылок и технологий создания и развития человеческого капитала на глобальном уровне и в России.

Несколько слов о сущности обсуждаемого концепта. В течение последних лет в литературе активно используется целое семейство понятий, так или иначе определяющих человеческое измерение социального процесса. В частности, используются такие понятия, как «человеческий потенциал», «человеческий фактор», «человеческий ресурс» и др. В качестве одной их последних по времени работ хочу назвать кол-

лективную монографию «Человеческий капитал российских политических элит», изданной в рамках «Библиотека РАПН» под редакцией Е.Б. Шестопаля и А.И. Селезневой в издательстве РОССПЭН. В подготовке этой книге мне также довелось участвовать.

Авторы книги отмечают, что понятие «человеческий капитал» является естественным развитием и обобщением понятий «человеческий фактор» и «человеческий ресурс», однако при этом является более широкой категорией. Проведенное авторским коллективом исследование показало, что, несмотря на общность ряда свойств, таких, как ликвидность, способность к накоплению, включенность в процессы воспроизводства и возрастания стоимости, аналогия между человеческим и материальным капиталом не может быть полной. В числе наиболее значимых специфических характеристик человеческого капитала отмечаются его неразрывная связь с человеком, возможность эффективного использования не только в рыночном, но и в нерыночном секторе и способность приносить прибыль как в денежной, так и в неденежной форме.

Упомянутое исследование, как и работа А.И. Подберезкина, показывает, что концепция человеческого капитала играет важную роль для развития не только экономической науки, но и всего комплекса общественных исследований, поскольку открывает теоретико-методологические возможности для изучения человеческого «измерения» социально-экономических процессов, анализа зависимости их характера и динамики от человеческой природы и активности.

Gaman-Golutvina O. V. Human capital in the knowledge economy: administrative aspect.
